

ЕЛЕНА АЖНАКИНА

ХОДОК

РАССКАЗ

— Я буду жить сто лет... — удивлённо пробормотала бабка, глазами хищной птицы впиваясь в просвет окна старого деревенского дома.

Стук калитки заставил её вплотную прильнуть к запылённому стеклу в ветхой оконной раме, чтобы получше разглядеть входящего во двор мужа. Она давно поджидала своего старика, но увидеть его с какой-то странной обновкой в руке явно не предполагала. Поспешно застегнув пуговицу на засаленной кацавейке, прикрыла морщинистой рукой рот и ошарашенно забурчала в маслянистую ладонь:

— Батюшки, вернулся! Это что ему всучили-то? В руках-то что? Ну, всё, теперь точно дом спалят, как есть спалят! Куда полез, жить, что ли, расхотелось, — причитала бабка, обращаясь к серому коту, безмятежно сидевшему тут же на подоконнике в окружении пахучей рассады томатов. В отсутствии человеческого вожака кот чувствовал себя полноправным хозяином в доме, поэтому в диалог с челядью не вступил и лишь настороженно прищурился в ответ на бабкины причитания. Затем грациозно спрыгнул с подоконника и осторожной кошачьей поступью направился к входной двери.

— Смотри, Лёлик, живой! Явился — не запылелся, — продолжала она своё бабье дело, по-прежнему разговаривая с котом.

Кот в это время уткнулся пушистой мордой в жирную щёлку не до конца прикрытой уличной двери. Оттуда по-прежнему тянуло спёртой мартовской хмарью, в которой всё отчётливей и напористей угадывался знакомый до самых кончиков отмороженных ушей родной дух вернувшегося хозяина.

АЖНАКИНА Елена Николаевна родилась в 1978 году в Пензе. Закончила Московский государственный университет культуры и искусств. Организатор культурно-массовых мероприятий. Живет в Одинцово Московской области.

— Корми теперь дурака старого. Ой, Лёлик, дед нас по миру пустит. — Бабка, охая, заковыляла от окна к холодильнику, вытащила оттуда эмалированную кастрюлю со вчерашними щами и поставила на плиту разогреваться. — Когда его ещё ждали-то... Тоже мне, герой выискался!

Герой в это время усердно сражался с перекосившейся за зиму калиткой, которая никак не хотела закрываться. Пока он пытался её обуздать и накинуть сверху аркан из ржавой проволоки, на ветру растерянно колыхался хилый бумажный пакетик с кислотной надписью: “Я буду жить сто лет!” Именно его и заприметила бабка в левой руке деда и почувала неладное. Что-то чужое, насмешливое и лживое прокралось в дом стариков вместе с этой наглой рекламной фразой и, как сорняк, принялось распозлаться по всему селу.

Облик деда всецело гармонировал с лихорадочно трепыхавшимся на ветру пакетом: огромные мужицкие кисти рук непрерывно дрожали, но не от холода, даже в самую жгучую стужу дед варежки не признавал. Седые лохматые баки виновато топорщились из-под замусоленной кепки. Бледный и подавленный, он всё-таки сумел плотно захлопнуть калитку и накинуть на неё бессменный обруч. Прихрамывая и беззвучно шлёпая губами (он всегда разговаривал сам с собой), зашагал по знакомой тропинке, думая бог весть о чём до самого порога.

Входная дверь широко распахнулась, впуская в дом вместе с клёккой сыростью могучую фигуру состарившегося мужика. Кот высоким прыжком отскочил от двери и, задрвав хвост свечкой, волчком завертелся возле грязных чоботов хозяина. А бабка, резавшая в это время хлеб, вместо приветствия тут же громогласно разразилась:

— С калиткой справиться не можешь, а вон куда пошёл! — резко взмахнула вверх зажатым в кулаке кухонным ножом, острее лезвие которого безжалостно вонзилось в воздухе в то место, из которого, по её мнению, вернулся муж. — Как только тебя там такого приняли, — осуждающе покачала головой, намекая на его неопрятный вид. — Садись обедать.

Кричала она не зря: дед несколько лет назад почти совсем оглох. Частенько ворчливая бабка ругала его почём зря, зная, что всё равно он не слышит. И сейчас продолжала разговаривать не с мужем, а скорее с котом:

— Говорила ему, надо сначала уши пробить, а уж потом на поклон ехать за тридевять земель! Вон Мурманский сколько лет не слышал, а враз уши в больнице пробрили, всё слышит теперь. Вот только глаза не сделали... — медленно тормозя свой напор, призадумалась.

А ведь и правда, почему глаза не сделали? Какое-то время она продолжала размышлять про чудесно обретшего слух соседа и городских врачей: стоит ли им доверять, если только полработы Мурманскому справили. Глаза-то видят по-прежнему плохо!

Сосед ещё в восьмидесятые переехал к ним в село из Мурманска. Сам он объяснял, что причиной переезда стало “несоответствие климатического расположения города и слабости здоровья”. С тех пор к нему прочно приклеилась эта уличная фамилия с названием северного города. И действительно, совсем недавно Мурманский уехал в город глухой, а вернулся со здоровыми ушами, чем потом долго хвастался и вызывал изумление односельчан, поверивших скорее в чудо, нежели в нашу медицину. Никто из них, и даже сам счастливый обладатель острого слуха, не догадывался, что долгую глухоту излечили обычным промыванием слуховых проходов. С тех пор бабка навязчиво советовала своему тугоухому горемыке съездить в город и пробить уши.

— Что тебе там сказали-то? — обращаясь к мужу, поставила на стол тарелку с горячими щами.

— А-а-а? — отозвался тот, вытирая руки затёртым вафельным полотенцем ещё советского производства.

— “А-а-а”, вот тебе и “а-а-а”, — передразнила старика и привычно громко повторила. — Что тебе там сказали-то, ходок?

Дед неторопливо отодвинул стул, присел на самый краешек, понуро махнул огромной ладонью, показывая, что затеял гиблое дело, и принялся за щи.

— Ой, спалят, ну, точно спалят! Как же жить теперича будем, — протяжно завывала старуха и принялась накладывать рыбные котлетки серому любимцу.

— Иди ешь, дурак! — рявкнула в сторону кота. — Ой, пропадём ни за что ни про что-о-о! — опять картинно заголосила бабка.

Кот, не обратив внимания на лакомство, продолжал вдохновенно мурлыкать и бодать мохнатым лбом ногу хозяина, успокаивая и поддерживая пропащего. Пропадал дед не первый раз. Это была его вторая ходка.

Невероятное стариковское хождение началось три года назад в небольшом селе, после безрадостных событий, речь о которых пойдёт далее.

Деду стукнуло восемьдесят. Словно пытаясь обмануть время, он с раннего утра привычно обходил все дворы и выспрашивал себе работу. Кому сарай, кому крыльцо починить, кому летний душ справить, кому сено перекидать; кого в нарды обыграть, а кому и “погоны навесить” в излюбленной карточной игре. В нём ещё крепко держалась та скрытая мужицкая сила, которая питала его от самых корней русского крестьянства. Частенько любил говорить: “Без дела я помру”. Деньги за работу не брал, соседи расплачивались с плотником свежеснесёнными яйцами или козьим молоком. Дед обладал редким для его возраста качеством — ребячьей неусидчивостью и упорной жадностью к физическому труду.

Да и нрав у деда выдался под стать: раскидистый, с огромной темпераментной кроной, которая неразборчиво укрывала в своих густолиственных ветвях и спелые плоды с твёрдой скорлупой, и гнилые пустотелы. По каким-то, только ему ведомым причинам дома хозяин мастерить ничего не желал, и жена частенько сама сбивала развалившиеся табуретки.

А ещё дед слыл на всю округу заядлым и удачливым рыбаком. Будучи крепким и здоровым мужиком, излазил все окрестные реки и озёра, рыбачил азартно, со вкусом. Частенько другие рыбаки, кургузо задремавшие в лодке, вздрагивали на рассвете от его раскатистого низкочастотного гласа. Над всем Щучьим озером эхом гудело и обволакивало водную гладь: “Эге-ге-ге! Вот это пасть!!! А-аш! Гляди! Гляди! Самого чёрта зубастого тапу!!!”. Рыбаки завидовали улову старика, приговаривая: “Опять один всю рыбу выловил”. Излишки дед раздавал односельчанам, чем беспрестанно злил свою бережливую жену. И даже на трухлявом деревянном частокале у него висели черепа особо знатных щучьих особей, сказочно устремляя побеждённые хищные челюсти ввысь. На вопросы, зачем он их тут развесил, бабка живо отвечала интересующимся: “А чтоб вот такие любопытные не сглазили”. Деда спрашивать об этом никто не решался.

Село, в котором дед с бабкой прожили всю жизнь, стоит на берегу Мокши, которая своим названием обязана древнему мордовскому племени мокша. Издревле на её берегах селился этот сильный и свобододолюбивый народ. В 1535 году сюда пришли русские, соорудили деревянную крепость со сторожевыми башнями, насыпали земляной вал, обнесли его глубоким ровом. Поселение нарекли Мокшинск и обозначили его как границу Государства Российского.

Несколько веков подряд Мокша щедро делилась с живущими на её берегах поселенцами своими несметными богатствами. В реке совсем ещё недавно кишели налимы, щуки, судаки и всякая рыба всячина. Водились даже широкопалые раки. Перловицы томно лежали на песчаном мелководье, разинув перламутровые рты, и увлечённо заглатывали прозрачную водицу. Они наивно радовались лучистому свету, игравшему в чехарду на зеркальной глади реки. Упитанные бобры в заводах строили уютные илестые хатки.

Песчаные пляжи не успевали зарастать редкой мать-и-мачехой, поскольку их обильно облепляли загорелые розовощёкие ребятки. А перегревшись в летний полдень коровы призывно мычали и вожделенно хлебали воду на переправе.

Всё изменилось не в одночасье. Река чахла и зарастала жгучим борщевиком с той же скоростью, с какой дряхла и разваливалась очистная станция в районе. В это же время в округе, как на дрожжах, стало подниматься частное предпринимательство. Недальновидные дельцы ничего иного не

придумали, как сбрасывать все отходы в реку: вода ведь не пожалуется, вода всё стерпит, всё сдюжит и всё вынесет.

И заклокотала, забурлила, понеслась по руслу скверна — не остановить. Река сначала обомлела от такой человеческой наглости и совсем обмелела. Потом отгородилась от людей непролазным бурьяном — близко никого подпускать не пожелала. Живность тоже в стороне не осталась. Первыми исчезли перловицы и раки, потом рыба покрупней. До последнего держалась неприхотливая плотва, но и она поплыла вверх пузом, когда конфетная фабрика тайно слила свои отбросы. И всё-таки нужно признать креативный подход находчивых фабрикантов: отходы благоухали пищевым ароматизатором, а вода в реке окрасилась в приторно-алый цвет. Всплывшая мелкая рыбёшка из последних сил пыталась перевернуться и забиться в обмелевшие омуты, переждать там очередную смуту, отчаянно била хвостом и плавниками, но раз за разом обречённо всплывала кверху брюхом. Кровавая вода медленно уносила последнюю бутыхавшуюся в ней жизнь.

А уж когда спустили канализацию, Мокше совсем невоготу сделалось. В узкой полоске мутной жидкости стало не узнать некогда полноводную чистую реку. Хозяйничает в ней теперь нечто с безумным зловонным запахом, близко никого живого к реке не подпускает. Пузырится вспененная зелёная гадость, ключьями пристаёт к корягам и кустам. И лишь течение, слабо пульсируя в одичавшем русле, указывает на то, что теплится ещё последняя жизнь, сохраняется слабая надежда реки на то, что человек опомнится и встанет на её защиту. А пока плывёт зло — бессовестно, безнаказанно плывёт. А люди стоят на берегу и смотрят на эту мерзость, почёсывая затылки. И вот уже кто-то не стоит и не чешет затылок, а несёт, везёт под берег свои отходы: батарейки, пластиковые бутылки... Плюх пакет в этакую мильную помойную яму.

А некоторые жгут этот мусор прямо на своих участках. Почти каждую ночь село обволакивает едкая и вредоносная пелена гари. Только зря потом удивляются, откуда у них всякие нехорошие болячки берутся. И что характерно, жгут одни и те же! Три дома намедни спалили, не успокоились, всё жгут и жгут. Встанут глубокой ночью, чтобы их выследить и оштрафовать не смогли, и то в одном конце села, то в другом польхают зловещие купальские кострища. Видно, тяга к большому огню осталась у них в крови ещё со времён язычества, иначе и не объяснишь. Уж как ни проста в собственной силе природа, а человек в своей глупости всё ж сильнее оказался.

Старик ещё ребёнком слышал от своей бабки Ефросиньи одну пророческую притчу. В этом пророчестве (по утверждению самой Ефросиньи, прочитанном в священных книгах) говорится о великой засухе, которая воцарится на всей земле. Вся пресная вода, реки и озёра уйдут под землю, золото будет валяться под ногами, и никто не посмотрит на него. Вода станет дороже золота, и начнётся нескончаемая война за ресурсы. Тогда ему казалось, что это бабкины сказки, а сейчас стало жутко от того, что пророчество сбывается.

В мёртвой реке рыбу не поудить, вот и решили рыбаки бороться. Сошлись по старинке на заросшей площади перед развалившимся клубом, построенным какими-то горе-умельцами на крутом берегу. Склон реки со временем осыпался, а этот послевоенный исполин, казалось, застрял на самом краю времени. Днём, стыдясь своей обветшалости, застенчиво прятался в приречных зарослях, а ночью одиноко позировал перед вспышками фар проезжающих мимо машин. Он изо всех сил пытался удержаться на берегу уцелевшими могучими колоннами, щербатым каменным телом сиротливо нависая над обрывом неизбежности.

На собрание рыбаки предусмотрительно захватили с собой косы. Собирались вместе они редко, лишь в особых случаях, а площадь перед клубом расчищали ещё реже.

Мужики покалякали, покалякали и принялись медленно косить проросшую сквозь каменные плиты траву, лениво перекрикиваясь друг с другом:

— Нас всего-то горетка, прихлопнут и нету... А там деньги, власть.

— На танки с голыми руками не пойдёшь, не сорок первый...

— Худо-бедно живём, а ну, как в отместку сожгут нас эти бандиты за то, что бизнес их поганый вскроем, что делать-то будем?

Испугались мужики, испугались за семью, за детей, за внуков. Слишком силы неравные. Хотя на дворе давно уже не девяностые, малиновые пиджаки изжили, но страх всё равно прочно укоренился в деревенском сознании. Подноготная страха порой бывает непредсказуема и необъяснима. Покончив с покосом, сходка понуро разбрелась по домам.

Наш рыбак вернулся с собрания, погружённый в мрачную задумчивость, будто сам на крючок попался. Будто вытянули из него что-то стоящее, ценное. Словно душу его выудили и бросили плыть по этой мёртвой реке кверху брюхом, догонять свою кончину. Беспомощность и отчаянье скрутили рыболовной леской и давят, давят. Самому хоть в реку — и дело с концом, так в ней столько воды осталось, что и утопиться не хватит.

Дед запил. Который день валялся на драном диване и что-то бессвязно бормотал беззубым ртом, громко стонал, временами отвесно матерился. В такую хмельную пору бабка старалась уйти из дому, всегда безошибочно возвращаясь в тот момент, когда муж свешивал ногу с лежанки в поисках горючительной добавки. Но заранее знала, что остановить стихийное бедствие у неё не получится, и вновь удалялась в наблюдательный пункт по соседству. И только кот преданно сидел рядом и с некоторой угрюмостью следил за своим хозяином, как бы осуждая дурную странность происходящего.

Все эти дни дед не просто пил, а вынашивал новое дело. Так уж повелось на Руси, что ни одно важное решение не обходится без выпивки. Дед истошно думал о будущем человечества, но почему-то постоянно проваливался в прошлое. Он вспоминал свою долгую жизнь. Непомерное алкогольное цунами подхватило его и на этот раз вынесло где-то на побережье самого раннего детства. В младенчестве с ним приключилась вот какая история.

В самый разгар жатвы, когда всё семейство трудилось в поле на благо колхоза-орденоносца, его, мальчика, оставили дома с нянькой. Нянькой звали шестнадцатилетнюю девушку Манюшку, приходившуюся родной тёткой нашему годовалому бутузу. Полуденная июльская духота вынудила няньку сесть на широкую дубовую лавку у настезь открытого окна, откуда в дом мельком заглядывал освежающий ветерок. Малыш сидел тут же рядом на лавке и увлечённо грыз жёсткий ржаной сухарь. Манюшка лушила горох. Пронзительно по-девичьи даже не напевала, а играючи рассказывала потешку. Голосом сначала подбрасывала её вверх, а в самом конце ловила озорницу за хвост, при этом шутиливо раскачиваясь из стороны в сторону. Над всем заулком кружилась и замирала на высоте заливистая девичья трель.

*Поехали, поехали
В лес за орехами!
По кочкам, по кочкам,
По маленьким лесочкам!
Ехали, ехали,
В ямку — бух!*

Мальчик серьёзно и заворожённо следил за ней. Особенно ему нравилось, когда она звонко щёлкала языком в конце песенки, и тогда он счастливо улыбался, выставляя напоказ два нижних зуба, и каждый раз молча тянул к няньке свои пухлые ручки с зажатым в кулачке обмусоленным сухариком. Она бы с удовольствием проделала этот потешный трюк с падением в ямку, посадив его на колени, но руки были заняты работой, которую нужно выполнить к приходу старших с поля.

Вдруг на слове “бух” на улице поднялся страшный ветер. Нагло, по-воровски влетел в открытое окно, переполошил белые накрахмаленные занавески, раскидал по полу выпотрошенные стручки гороха, обдал напоследок песком растерявшихся ребятишек и сквозняком вылетел в проём неприкрытой входной двери. Несмазанные петли заунывно заскрипели, кондовая соновая дверь увесисто распахнулись во всю ширь и несколько раз с нетерпимым дребезгом дробно ударились о пустые металлические вёдра. Небо

тут же подхватило упреждающее громыханье и разразилось убийственным уханьем прямо над макушкой дома. Обомлевшая Манюшка бойко вскочила с лавки и потянулась закрывать метавшиеся в бешеной агонии ставни. И в этот самый миг ослепляющая сила с диким грохотом вонзилась в зияющую брешь окна, напавал поразила девушку и, словно за ненадобностью, отшвырнула орущего малыша под лавку возле входной двери. Соломенный скат крыши яростно вспыхнул. Злобно шипя и потрескивая сухими прутьями, пламя ядовито расплзлось по всей кровле. Редкие капли дождя, прорывающиеся сквозь лучи палящего солнца, не смогли помешать разгоравшейся беде. Очень скоро прибежал сосед и вынес из дома сначала целого и невредимого испуганного бутуза, а потом и его няньку. Манюшку отливали колодезной водой, закапывали в землю, но куда там... Прибывший фельдшер в справке указал, что девица погибла в результате смертельного удара молнии. Дом успели потушить, только крыша и сгорела. А люди, рассказывая потом в окрестных селах об этом не таком уж и редком случае, всегда в конце скорбно приговаривали: “И тучка-то маленькая и скорая была...”

Старик долго размышлял, для чего всеильная природа в самые гибельные моменты его судьбы всегда сохраняла ему жизнь. И тогда, и потом — в десять лет, когда с мальчишками играл в индейцев на замёрзшей реке, наш Чингачук провалился в запорошённую, незаметную глазу польнью. Но вынырнул, сумел ухватиться руками за спасительную кромку проруби. Тяжеленная, разбухшая от воды фуфайка мёртвой хваткой дрянной старухи свирепо вцепилась в него и тащила под лёд вниз по течению. А помочь-то некому, все ребята в испуге разбежались по домам, рядом с ним остался только восьмилетний брат Витька-дурачок с санками. Стоит возле проруби, глаза вытаращил, ничего не понимает. Валенки сорок пятого размера смотрят в разные стороны у самого носа утопающего, а что толку от такой войлочной близости. Вот они, тёплые, родные, пахнущие мокрой шерстью домашних овечек, совсем рядом, а он навсегда уходит от них под лёд замороженной рыбой. Уже вдрызг окоченевший, еле уговорил братишку санки подать. Одеревенелыми руками из последних сил вцепился в полозья санок и процедил сквозь зубы застывшими губами: “Таш-ши...” Витька выудил полуживого, обледеневшего брата, но на удивление, тот даже не заболел. Ледяная вода лишь закалила его и отпустила на волю.

И вот теперь дед ясно осознал, что пришло время отдать долг, расплатиться за счастливо прожитые годы. Природа безразлична к любым существующим человеческим законам, но сейчас она просила о помощи.

Словно очнувшись от зимней спячки, старик после запоя оклемался на девятое утро. Бабка зашла в ругани и приготовилась к очередному отражению штурма буфета: взяла ухват, подбоченилась и заняла круговую оборону. Ухват давно стоял без дела, в селе топили газом, печка белела без надобности. Лишь изредка, унылым морозным вечерком старики растапливали печь и, заворожённо глядя на лихо отстреливающие поленья, думали каждый о своём. А этой рогатиной на палке бабка подпирала дверь и берегла для спокойствия. Страх остался ещё с начала девяностых, когда по сёлам шастали бандиты и цыгане, тогда и наших стариков обокрали. Святыню увели похитрому: сказали, берут на реставрацию старинную икону в позолоченном окладе, а вернули картинку на дощечке, да ещё денег немало взяли за её почин. Заметили, правда, не сразу, лет через пять после злополучной реставрации, когда выдавали дочь замуж. Сняли с божницы благословить молодых и ахнули! Подивились хитрости и наглости похитителей, погоревали и водрузили икону на прежнее место. А ухват с тех пор в углу прижился. Дочь, приезжая из города, первое время убирала его во двор, выговаривая родителям: “Никаких перемен в вашем древнем чугунке! Ещё лет через двадцать приеду, а этот артефакт так и будет в том же углу стоять!”

И вот стоит бабка с ухватом у буфета, и ведь не для острастки стоит (нет в этом буфете никаких горячительных бутылок), а ради того, чтобы муж с похмелья ненароком хрусталь не побил. А муж, на удивление, неловко шатаясь, мимо неё прошлёпал и босой потянулся на выход. “Ну, — думает бабка, — на дворе припрятал”. А старик вдруг громоздко застрял

в проёме двери, подперев косяк широко расставленными руками, поймал равновесие и, не оборачиваясь, приказным тоном шандарахнул:

— Баню топи! Рубаху чистую давай! В Москву поеду!

— Всё! Допился... — бабка обескураженно опустила своё нехитрое оружие.

В Москве он бывал ещё в молодости, в начале 60-х, проездом по случаю окончания срока службы в армии. Ранним утром пришёл к Мавзолею. Немного постоял в одиночестве в моросливом атриуме Красной площади и решил одним глазком взглянуть на Царь-пушку.

Вернувшись обратно к Мавзолею, обнаружил плотную очередь, ухивившую в Александровский сад. Понял, что попал впросак, и расстроено побрёл к метро. Неожиданно отчётливо услышал своё имя и обернулся на голос. Звала подруга младшей сестры, которая приехала в Москву на экскурсию. Она заметила его почти перед самым входом в Мавзолей и предложила пойти вместе с ними. Так дед ещё в молодости осознал, что Москва — это город, в котором первый может легко стать последним и последний первым.

И вот теперь наш ходок сидит в приёмной Министерства природопользования и ждёт приглашения в кабинет. Пригласили. Приятный молодой человек в костюме с иголочки услужливо изготовил записывать обращение: растопыренные пальцы парящим коршуном застыли над клавиатурой, ещё мгновение, и они сорвутся в крутое пики. Старик застеснялся своих мамонтоподобных неказистых чоботов и смущённо подобрал ноги под стул, трясущейся рукой аккуратно пригладил косматые баки и заговорил. Чиновник шустро застучал по клавишам. Время от времени ему приходилось громко вскрикивать, уточняя подробности у глуховатого деда. И каждый раз его коллега за соседним столом карикатурно тарщила глаза, приподнимала возмущенно брови и выпячивала вперёд болезненно опухшие губы, всем видом показывая, что ей мешают работать.

Жалоба излагалась глуховатым заявителем в чрезмерном хаотичном волнении, под воздействием которого жизненно-важная проблема проделала некий метафорический фокус. Воплощаясь в слова, она искусно превращалась в мыслях старика в потерянную детскую пустышку. А солидная обстановка кабинета и вовсе сужала её до микроскопических размеров по сравнению с архиважными государственными делами. Старик почувствовал себя виноватым за то, что отвлекает работников от настоящих серьёзных дел. Вся его многотрудная и эпохальная миссия, не выдержав конкуренции с заботами бурлящего мегаполиса, свернулась калачиком где-то внутри и представлялась сейчас лишь нелепыми бабкиными сказками из прошлого века. В какой-то момент наш ходок хотел даже дезертировать, чтобы не опозориться со своей речушкой. Велика ли беда: канализация и отбросы текут в реку. Куда ж их девать, в космос, что ли, запустить? Засомневался дед в своей дремучести, крепко засомневался. Но тут в памяти всплыла искалеченная река, до першения в горле стало жаль сироту — и он передумал бежать. Решил, раз уж приехал (да ещё почти всю пенсию на дорогу потратил), нужно идти до конца.

Чиновник бодро щёлкнул, ставя финальную точку, и затребовал паспорт. Такого выверта от понятливого и внимательного молодого человека дед никак не ожидал. Он надеялся отделаться анонимным обращением.

— Мил человек, может, без паспорта как-нибудь обойдёмся? — нарочно коверкая обличающее слово, вопрошающе обратился он к чиновнику. — Пишите, что всё село обращается.

— Нельзя. Без паспортных данных не имеем права принимать, закон такой.

— Запиши ты, сынок, мол, село такое-то, река такая-то и дай делу ход! Я-то тебе зачем? Нельзя меня писать. Я-то что, я не боюсь. У меня дочь, внуки в городе, понимаешь?

— У вас что там? Деяностые, что ли? Мафия? Понятно, — засмеялся чиновник, — разберёмся. Но без паспорта не могу. Либо документ даёте, либо обращение аннулируем.

— А-а, была не была — пиши меня! — старик протянул свой паспорт.

Дед вернулся домой и стал напряжённо ждать. И вот зимой, в самую стужу, когда даже воробьи боятся вылететь из-под насиженной застрехи, в село пожаловала комиссия. Прямо к дому стариков подкатила дорогая иномарка, из которой вывалились три папки и одна фотокамера. Взяли оторопевшего деда под белые рученьки и, забыв надеть на него головной убор, двинулись шеститочечным караваном в сторону реки по тропинке, проторённой с известной целью. Шестой точкой в хвосте семеняла бабка; охая и причитая, она пыталась догнать мужа и передать ему енотовую ушанку. Протоптанная дорожка вскоре закончилась небольшими кучками мусора, замаскированными белоснежными шапками. Стараясь дальше идти след в след и при этом всё равно глубоко проваливаясь, процессия кое-как пробралась к реке. Глядь, а на реке лёд стоит, да ещё снегом в полтора метра заваленный. Покрутились в сугробах, замёрзли, сделали пару фотографий и уехали.

Позже на имя деда пришло письмо. Чиновник в костюме с иголки, как и обещал, во всём разобрался и отписал, что нарушений на реке не выявлено.

— Всё шито-крыто у них, — прошептал старик, разочарованно вкладывая письмо в небрежно разорванный конверт. И опять запил.

Мурманский, впрочем, как и многие жители села, теперь старался обходить стороной дом с мистическими черепами щук на заборе. Соседи боялись, как бы не перекинулась и на них зараза ответственности за неудачное обращение. Ждали мести. Но мести, на удивление сельчан, не последовало. Даже наоборот, местные чиновники первое время льстиво улыбались и приветствовали старика, когда тот по базарным дням выбирался в районный центр и ненароком сталкивался там с кем-то из начальства.

— Приветствую, как там Москва, стоит? — чуть ли не кланяясь, шкოდливо посмеивались они над дедом.

— Здорово были! Нормалёк! — Когда дед плохо слышал или не хотел слышать, о чём его спрашивают, всегда отвечал одно и то же.

Не успев отряхнуться от палых листьев, пришла уже третья весна после его первой ходки. Река оттаяла, и опять залихватски помчалось по ней удобрение и прочая рук человеческих химия. Все уже забыли, что когда-то здесь была настоящая живая река, а не мусорная протока. Но только не дед. Старик попался с крепостной, эдакий самобытный пень, выкорчевать который значило бы разворотить в округе всю землю. За последние годы он ещё глубже укоренился в ней и уже чувствовал себя недвижимым архаичным слоем земли. Чувствовал, как на него наслаиваются и давят новые и новые пласты. И через век-другой кто-то копнет поосновательней и, глядя на спрессованные обломки его времени, презрительно скажет своим внукам: “Вот в этом столетии как раз и жили те глушцы, которые уничтожили природу”.

Вскоре случилась его вторая ходка. Москва колосилась всё та же. Набитые лоснящимися чиновниками офисы, как лопающиеся соты мёдом, всё те же. Вот только старик сильно сдал за последние годы, почти совсем оглох. Дряхлый и хромой, в жалкой потрёпанной куртке и в отвисших на коленях штанах, он вышел на тропу войны, заранее зная, что будет повержен. Дед и не догадывался, что в этот момент его душа поравнялась с великим духом последнего из могикан, которым он безумно мечтал стать когда-то в далёком детстве.

Текст повторять не пришлось, нашли прошлое обращение. Старик смиренно протянул паспорт. Видя дрожащие руки и отрешённый взгляд заявителя, чиновники кинулись его подбадривать:

— Не переживайте вы так — рано или поздно разберутся, всё наладится. Лучше берегите свои нервы, что ж вы себя так изводите. Здоровье-то дороже! — как ребёнка, успокаивали деда в приёмной всё тот же молодой человек и его коллега с пухлыми губами.

И тут молчавший дед словно опомнился и заторопился жить:

— Здоровье? О каком таком здоровье речь ведёте, мил человек? Вот вы что на обед сегодня кушать будете, позвольте вас спросить?

— Ничего особенного... Ну, предположим, индейку с рисом, кофе, — недоумённо протянул чиновник, пытаясь повернуть в уме, к чему клонит дед.

Ко всему прочему, старик растормошил дремавший аппетит, под ложечкой у молодого человека призывно засосало. Он метко бросил взгляд на висевшие на стене часы: обед скоро закончится, а он вынужден выслушивать старика, возмнившего себя спасителем всея воды.

Глухой дед, точно прочитав по губам адресованный ему ответ, обрадованно затарахтел:

— Во-о! Индюшку! А ты знаешь, что воробы, которые клюют отходы от ихних кормов, раздуваются не меньше, чем эта твоя индюшка, и кожа на них лопается, ток перья в разны стороны разлетаются! Во как!

— Ну, это фейк какой-то, — натянуто улыбнулись молодые люди, устало думая о том, как бы поскорее остановить это представление, вежливо выставить заявителя за дверь и рвануть в кафешку.

— Это, мож, и фекс-пекс твоя, — дед и не думал останавливаться, он только-только набирал скорость, — но брака на птицеферме у них много: без глаз, с двумя головами выводятся — мутанты, одним словом. Вот тебе и фокус-покус! — продолжал гнавший напролом дед. — С природой, мил человек, шутки плохи! Ты можешь делать с ней всё что угодно: хошь реки вспять поворачивай, хошь острова из мусора в море-океанах выкладывай, хошь из бабы мужика делай, — издевайся как хошь над ней, родимой! Но помните, робятишки! Однажды ей это надоест. Она встанет, стукнет кулаком по своему вселенскому столу и наведёт у вас здесь свой порядок. С природой нужно ладить! Э-э! Да что с вас взять... — обречённо махнул рукой побледневший старик и побрёл к выходу.

Деда проводили молча. Несколькоми минутами позже в кафе молодой человек всё-таки не смог съесть заказанную индейку. Как только он попробовал первый кусок любимого диетического мяса, тут же брезгливо его выплюнул, мысленно упрекнув себя за глупую сентиментальность. Вдогонку хлёстко обругал дотошного старикана, испортившего ему аппетит, расплатился, взял со стола свежесваренный кофе в термостакане и вышел. Сделав глоток бодрящего напитка, чиновник решил взять дело старика под свой контроль.

Дымящийся кофейный стакан с крышечкой — настоящий памятник поколению этой эпохи. Да-да, простой бумажный стаканчик с напитком, надеяющийся своего обладателя особой магической силой. Что поделаешь, время, в котором мы бежим по улице с одноразовым стаканом в руке, — время упаковки. Модная и притягательная обёртка повсюду, начиная от рекламных билбордов с неодушевлёнными, но зрелищными блокбастерами, заканчивая wow-эффектом в пластической хирургии. Природная человеческая суть не только не важна, но и постыдна. Главное — яркая упаковка. Ещё бы! В ней так легко спрятать любую пустоту.

На выходе из здания нашему ходоку вручили крафтовый пакет с рекламными буклетами программы долголетия, с характерной кричащей надписью: “Я буду жить сто лет!”. С ним-то он и приехал домой в начале нашего повествования.

Что-то чужое, опасное и лживое поселилось в доме стариков вместе с этой бесполезной вещью и запустило обратный отсчёт времени.

И всё-таки дед разворошил осиное гнездо. А в том гнезде сидел сам Воняев. Всем Воняевым — Воняев! Не человек — пережиток мафии! Прокуратура заинтересовалась им с особым колоритом: с должности сняли ярко, показательно поместили под арест и завели уголовное дело. Очистную станцию и фабрику оштрафовали, кусты и борщевики на берегах проредили. По всему району возле водоёмов понатыкали таблички “Водоохранная зона”. Добротные такие таблички поставили, дорогостоящие. Одну даже перед самым домом деда водрузили. Видно, для того, чтобы утром просыпался, смотрел в окно и не забывал про зону, которая светит Воняеву по его милости. Старик ждал расправы.

Расправа пришла, откуда не ждали: на очистную станцию по результатам проверки и выявленных в ходе неё нарушений контролирующими органами был наложен огромный штраф. Ремонтировать станцию стало совсем не на что. Очистные сооружения окончательно пришли в негодность, и река разбухла из-за стекающих в неё сточных вод. Эта беда привела за собой дру-

гую: любимый кот Лёлик приполз домой с глубокой рваной отметиной от пневматической пули в самом центре лба. Бабка пыталась выходить раненого: возила к ветеринару, поила лекарствами по часам, вычищала из ушей сухую запёкшуюся кровь. Кот попался дуболобий, поэтому умер не сразу, а лишь через месяц мучений. Пытался благодарно мурлыкать в ответ на поглаживания хозяина. Вдруг вздрогнул и затих навсегда. Кота похоронили в палисаднике под махровой сиренью.

Оружия в округе не водилось с послевоенных времён. Тогда почти в каждом доме висело на стене ружьё или хоронился в сарае обрез, замотанный в истлевшее тряпье. Но поток эпохи унёс с собой весь наследный арсенал далеко за пределы села, оно кануло на дно в каких-то неизвестных реках, и в здешних краях стало редкой и опасной диковиной. Хотя на соседнем порядке жил один охотник, но и он пневматического оружия отродясь не видел.

Ко всему прочему в районе начались перебои с водой, а немного погода её и вовсе отключили. Проблемы объяснили поломкой насоса на глубине скважины и невозможностью починки. Село совсем обезводило: колодцы давно засыпали за ненадобностью, ручьи пересохли, а реку отравили. Великая сущь, выпущенная дедом из проклятого пакета с язвительной надписью, стийно вырвалась наружу и начала разрушать всё живое.

Спустя несколько лет осады дедовский бастион всё-таки пал. Человек, в сущности, очень хрупкое создание, если его внутренний резервуар иссыхает, то оболочка рано или поздно рассыпается, превращаясь в песок. И не такие крепости рушились от затяжной засухи глупости, алчности и жестокости.

Поздним вечером, не дожидаясь кромешной тьмы, старик не спеша нагрузил скрипящую тележку разносортным мусором и повёз под берег. Вёз он её так бережно и скорбно, будто провожал кого-то в последний путь.

— Собрались они жить сто лет, как же — ждите! До пенсии не дотянете с такой экологией! — как всегда шлёпая губами и ухабисто вышагивая, старик катил свой катафалк по протоптанной дорожке в глубокую речную могилу.

Захудалый дождик сыпался с неба инакомыслящей помохой, которая старательно разъедала жизнеутверждающую надпись на размокшем пакете, притаившемся на вершине мусорной кучи. Дождь цепко хватался за колья осиротевшей изгороди, с которой старик предусмотрительно содрал все щучьи головы. К утру пагубная морось сушила бездарно разбавить палитру живой зелени оттенком увядшей желчи. Глухая ночь едким облаком накрыла всё село.

А очистные сооружения потом всё-таки отремонтировали и берег реки расчистили. Сами жители и расчистили. Жаль только, дед этого не увидел. Река, конечно, стала не такой полноводной, как прежде, и раки в ней не водятся, но нет-нет, да промелькнёт рыбёшка, собака напьётся вдоволь. Даже окунуться можно в жаркую пору, только найти, где поглубже. Вовремя успели спасти реку. Вообще, в жизни главное жить по-человечески — не опоздать.